

Отзыв официального оппонента на диссертацию
Олега Валентиновича АУРОВА
«География власти в городах Центральной Испании к концу XIII –
середине XIV вв.»,
представленную на соискание ученой степени доктора исторических наук
по специальности 5.6.2 – Всеобщая история

Диссертационное сочинение Олега Валентиновича Аурова «География власти в городах Центральной Испании к концу XIII – середине XIV вв.» посвящено сюжетам, крайне мало исследованным в столь полном виде как в отечественной, так и в мировой исторической науке. Речь идет о становлении средневековой территориальной общины (консехо) Кастилии и Леона, которая объединяла город с его сельской округой и в пределах которой местное самоуправление взаимодействовало – в разных формах и с разной степенью эффективности – с иными властными структурами (местной светской и церковной властью, военными силами и самим королем). Даже учитывая сложность избранной темы, диссертация по прочтении буквально подавляет объемом собранной в ней информации, количеством задействованных документов и специальной литературы.

Что касается источниковой базы исследования, то один лишь список привлеченных О.В. Ауриным архивных и опубликованных текстов занимает в диссертации 42 страницы (С. 616–657) и содержит 408 наименований. Многие из этих источников (как письменных, так и визуальных) анализируются в работе О.В. Аурова впервые, часть из них (рукописи прежде всего) впервые вводится в научный оборот, для других предложена совершенно новая и порой неожиданная трактовка. Все исследование в целом отличает глубокое проникновение в смысл того или иного памятника, а также виртуозное сочетание данных нормативных документов и актового материала, к которым логично добавлены сведения, почерпнутые из хронистики, агиографии и художественной литературы (при всей условности подобного определения).

Историографический раздел диссертации заслуживает, на мой взгляд, отдельного упоминания. Редко можно встретить работу, где были бы учтены практически все, даже крайне редкие и незаметные публикации, посвященные, казалось бы, самым частным вопросам. Более того, речь идет о практически доскональном знании О.В. Ауриным историографии не только испаноязычной, но и немецкой, французской и англо-американской. Как представляется, эти размышления автора заслуживают отдельной публикации.

Диссертация О.В. Ауриной открывается введением, в котором убедительно обоснована актуальность исследования; сформулированы его цели и задачи; приведены краткие обзоры источников и историографии; указаны географические и хронологические рамки исследования; внятно изложены его методология и методы. Здесь особенно хотелось бы отметить удачное использование микроисторических методов работы, которые позволяют вплести в ткань повествования «частные» сюжеты, наглядно демонстрирующие бытование тех или иных правовых норм и институтов власти: главы и параграфы, посвященные конкретным испанским городам и особенностям их политического, административного и правового развития в тот или иной исторический период.

Основная часть диссертации состоит из восьми глав, разделенных на параграфы; заключения; списков источников, литературы и принятых в работе сокращений. К ним примыкают четыре приложения, носящие вспомогательный характер и облегчающие работу с текстом диссертации.

Первая и вторая главы диссертации, посвященные описанию и анализу источниковой базы исследования и историографии вопроса (охватывающей период с раннего Нового времени до XXI в.), позволяют полнее представить себе самую суть проблемы, находящейся в центре внимания О.В. Ауриной. На первый взгляд излишне подробные и детализированные, в действительности эти две главы представляют собой практически самостоятельные исследования, подготавливающие читателя к более полному восприятию собственно исследовательской части работы.

Третья глава диссертации посвящена предыстории формирования пространства власти средневекового города, связанной с эволюцией сельской округи (*territorium*) от городских центров римского времени, а также вестготского периода. Отмечается, что территориальные округа, образуемые вокруг городов, уже в это время являлись площадкой, на которой действовали различные должностные лица, прежде всего – различные категории «судей». Вместе с тем уже для первых десятилетий VII в. оказался характерен рост влияния епископата на местные судебные и фискальные институты, что в полной мере соответствовало общей тенденции к христианизации власти и ее роли в процессе эволюции античной гражданской общины полисного типа и ее превращения в общину церковную во главе с епископом, унаследовавшим ряд значимых полномочий римских магистратов. Приход варваров не нарушил и римскую традицию сельских сходов, в первую очередь обеспечивавших публичность местного судопроизводства.

В четвертой главе диссертации определяются территориальные пределы консехо, выделяются и классифицируются основные виды его внешних и внутренних границ, подчеркивается их непосредственная связь с сельской виллой античного и вестготского времени. Автор приходит к выводу, что именно на базе этой структуры в VIII–X вв. сформировался новый институт территориально-административного деления, объединявший в своих пределах город и прилегающую к нему сельскую округу и просуществовавший вплоть до второй трети XIX в. Особенности данного деления являлись ярко выраженный военизированный характер колонизации новых земель и рост укрепленных поселений (в ходе Реконкисты), которые в последующий период переросли в поселения городского типа. Именно с этими особенностями автор связывает развитие самого понятия территориальных границ в пределах консехо – как внешних, так и внутренних, жизнь внутри которых регулировалась как самим консехо, так и иными властными институтами – местными сеньорами (как светскими, так и церковными) и королем.

Особенности данного территориально-административного деления в пятой главе диссертации изучены на конкретном примере консехо Сории конца XIII в., фуэро которого отразило главные особенности формирования и повседневной жизни территориальной общины Центральной Испании как института местного самоуправления.

Шестая глава посвящена изучению места города в иерархии феодальной власти, для чего автор обращается прежде всего к проблеме вассально-сеньориальных уз – главного принципа организации здесь отношений господства и подчинения. В главе подробнейшим образом анализируются два способа создания подобных связей – «по рождению» и «по испанскому обычаю», выявляются их истоки, отличительные свойства и принципиальные отличия друг от друга, в свою очередь имевшие первейшее значение при владении тем или иным городом и при осуществлении в нем различных прав юрисдикции.

В двух заключительных главах диссертации – седьмой и восьмой – предпринят подробнейший анализ реальных форпостов феодальной власти в городе: дворца, являвшегося местом жительства сеньора и его министериалов, и замка. В исследовании подчеркивается общественный характер этих зданий, служивших не только резиденцией, но и «офисом» для должностных лиц, что, по мнению автора, являлось их отличительной чертой и в античный, и в вестготский период. Особое внимание уделено также отличиям замка в строгом смысле этого слова, т.е. строения, выполнявшего исключительно военные функции, от алькасара, который являлся центром власти, совмещая функции городской цитадели и дворца как резиденции феодального сеньора (либо одного из нескольких сеньоров, обладавших юрисдикцией в городской черте) и министериалов соответствующих категорий.

В заключении представлены итоги исследования, проведенного О.В. Ауоровым, и намечены перспективы для дальнейшего изучения заявленных проблем. Выводы работы представляются убедительными, логически обоснованными и фундированными. Все они основаны на блестящем знании

и анализе как источников, так и существующей историографии. Среди массы очень верных, а иногда и новаторских наблюдений автора мне бы хотелось особо остановиться на следующих.

Самое пристальное внимание в диссертации уделено происхождению консехо и связанных с ним политических, управленческих, правовых и судебных институтов, прежде всего – влиянию римского наследия, скрупулезно прослеженному и на уровне терминологии, и на уровне бытования и трансформации различных властных институтов, и даже на уровне принципа деления текстов фуэро на законы и титулы в соответствии с римским *ius commune* (см. особенно главу 3).

Самым тщательным образом проведен в целом весь терминологический анализ, позволяющий судить о развитии пространства и топографии власти на Пиренейском полуострове с учетом римского и более позднего вестготского влияния, начиная с понятия *territorium* и заканчивая определением тонкой грани, разделяющей понятия «замок» и «алькасар».

Важнейшим мне представляется вывод о субъектности и одновременно объектности консехо, о гетерогенности властных институтов, представленных в городе и его округе (т. 2, с. 381–390).

Не менее важным является вывод о значении и формах феодальной иерархии в консехо, о фундаментальном различии вассально-сеньориальных отношений, выстраиваемых «по рождению» или же «по испанскому обычаю». Здесь же следует упомянуть блестящий анализ такого политико-правового понятия как «сеньор по рождению» и особенностей принесения оммажа на рассматриваемой территории (глава 6).

Очень интересны также наблюдения об увеличении территории консехо, возможном исключительно по воле монарха (т. 1, с. 597).

Не менее важным наблюдением представляется тезис о феодальной раздробленности, понимаемой не как дробление уделов, но как сосуществование различных юрисдикций на одной, строго ограниченной территории, когда власть воспринимается как система частных

договоренностей, каждая из которых требует неоднократного и постоянного подтверждения. При этом важно постоянно подчеркиваемое автором своеобразное противоречие этой системы, когда некоторые частные властные институты (например, персонеро) получали характеристики и значение института публично-правового (т. 1, с. 685).

Очень интересным и полезным для коллег-медиевистов, занимающихся сходными проблемами на материале иных европейских регионов, представляется проведенное в исследовании О.В. Аулова различие таких институтов как дворец, замок и алькасар. Сюда же следует отнести и наблюдения, касающиеся восприятия современниками различных составных частей консехо и самого города, – в частности, улиц, которые не считались самостоятельными административно-территориальными единицами (т. 1, с. 582–583), в отличие, к примеру, от приходов (т. 1, с. 587). Здесь же следует упомянуть о справедливо отмеченном автором диссертации «выпадении» из пространства власти в городе и консехо таких территорий как мавританские и иудейские кварталы (т. 1, с. 588–591).

Не только эти, но и многие другие научные открытия О.В. Аулова позволяют заключить, что его диссертационное сочинение представляет собой серьезнейший вклад в мировую историческую науку и практически первый в отечественной медиевистике полномасштабный труд по истории становления и развития средневековой территориальной общины (консехо) Кастилии и Леона вплоть до середины XIV столетия.

И все же – при всей масштабности проведенного О.В. Ауловым исследования – его диссертация не лишена, как представляется, некоторых недочетов. Большинство из них носят не самый принципиальный характер, но на них следует, как мне кажется, обратить внимание при дальнейшей работе над заявленной темой и при подготовке монографии, посвященной данным сюжетам.

1. Прежде всего нужно остановиться на названии диссертации – «География власти в городах Центральной Испании к концу XIII – середине

XIV вв.». Как мне представляется, выбрано оно не слишком удачно, если понимать «географию» в ее буквальном смысле – как науку, изучающую структуру, функционирование и эволюцию географической оболочки, взаимодействие и распределение в пространстве природных и природно-общественных геосистем и их компонентов. На мой взгляд, в диссертации речь, скорее, идет о *пространстве* власти в совершенно определенных территориальных границах – в пределах конкретных городов и их округов, о чем сам автор постоянно напоминает читателю (см., например, т. 1, с. 10, 11, 21, 32). Тем более, что в работе использован подход, соответствующий пространственному повороту в исторической науке, как отмечает сам О.В. Ауоров (т. 1, с. 32).

2. Совершенно необъяснимым представляется постулируемый автором на первых же страницах введения сознательный отказ «от отдельного осмысления роли Церкви как самостоятельного участника политических процессов рассматриваемого периода» (т. 1, с. 8–9). Все последующее повествование полностью опровергает это утверждение, учитывая тот факт, что именно в рассматриваемый период Церковь являлась одним из важнейших игроков на политической сцене любого средневекового государственного образования, особенно в области права и судопроизводства.

Именно об этом сам О.В. Ауоров пишет буквально в каждой главе своего исследования: и когда сообщает, что к VI в. место римских магистратов заняли городские епископы, а их власть выступала спланивающим фактором в отстаивании свобод и прав городов (т. 1, с. 87); и когда отмечает выдающуюся роль епископов Куэнки в качестве администраторов и активных политических акторов региона (т. 1, с. 142); и когда анализирует деятельность сеньоров Саагуна – монастыря свв. Факунда и Примитива (т. 1, с. 162; т. 2, с. 361); и когда рассуждает о так называемой вестготской «симфонии», т.е. о единстве действий королевской и церковной власти на Пиренеях, в первую очередь – в сфере законодательства (т. 1, с. 210); и когда отмечает, что к концу VII в. содержание понятия *territorium* окончательно обрело выраженный церковный

характер и стало обозначением территории епархии как места служения клира (т. 1, с. 498–499); и когда размышляет о традиции соборного правления в исследуемом регионе (т. 2, с. 106, 121, 124).

Таким образом, Церковь, безусловно, выступает на страницах рассматриваемой диссертации как крупный самостоятельный игрок на политической сцене и, в частности, в процессе формирования и бытования консехо Центральной Испании, не говоря уже о функционировании местной судебно-правовой системы. Почему автор диссертации изначально лишил Церковь этого почетного звания, остается неясным.

3. Объектом исследования как в диссертации, так и в автореферате названы «социально-политические процессы, развивавшиеся на средневековом Западе от Поздней античности до высокого Средневековья включительно..., а также роль свободного города как неотъемлемой составляющей этих процессов» (т. 1, с. 21). Однако в действительности объектом исследования в любой диссертации является комплекс источников различной жанровой и видовой направленности.

4. То же замечание касается и предмета исследования, заявленного как «городская история» (т. 1, с. 21), хотя в действительности речь идет как раз о роли городов и их консехо в формировании пространства власти в Кастилии и Леоне в означенный период.

5. В работе, изобилующей специальной терминологией, хотелось бы видеть чуть более подробные пояснения некоторых понятий при их первом использовании. Это касается, в частности, таких терминов как «локальный политикум» (т. 1, с. 8), а также «феодальный политикум» (т.1, с. 146) и «античный политикум» (т. 1, с. 504), «форальное право» (т. 1, с. 30), «медиевализация» (дворца, принципов управления, социально-политической, правовой, экономической и культурной жизни Готской Испании – т. 1, с. 41, 53, 54), «долгий XII век» (т. 1, с. 360), «царский закон» (т. 1, с. 496), «тело города» (т. 1, с. 563), институт «королевского гнева» (т. 2, с. 20).

6. Отдельного упоминания заслуживают так называемые «открытые места», где, к примеру, собирались алькальды (при тотальном отсутствии зданий ратуши в городах). Автор мельком упоминает их в ряду выделяемых в пределах города и консехо административно-территориальных единиц (т. 1, с. 702), но не останавливается на их детальной характеристике. Однако открытые места – будь то центральная площадь поселения или пространство рядом с каким-то значимым природным объектом (деревом, камнем, скалой) – в Средние века являлись исключительно значимыми топонимами для всех европейских регионов, став местом вынесения любых политических решений или местом суда еще в Античности.

7. В главе, посвященной развитию историографии вопроса, при разговоре об испанских историках, впитавших научные достижения иных национальных научных школ (французской, немецкой, бельгийской и т.д.), ссылки на работы представителей этих последних лучше было бы давать на их первые оригинальные публикации, а не на русские переводы, отстающие по времени. Так, указание на работу Анри Пиренна «Средневековые города Бельгии» дано по русскому переводу 1937 г. (т. 1, с. 110–111), но ее оригинал вышел в 1927 г., когда с ней, очевидно, и познакомились испанцы. То же самое касается и исследования Ф.-Л. Гансхофа 1944 г. (т. 1, с. 112 – ссылка на английский перевод 1961 г.), и «Феодального общества» М. Блока 1939–1940 гг. (т. 1, с. 125 – ссылка на русский перевод 2003 г.), и некоторых других.

8. При невероятной полноте историографического раздела в списке полезных непосредственно для данной диссертации исследований хотелось бы упомянуть три работы. В пассаже, посвященном «реабилитации христианства» и возврату к традиционным ценностям начала XIX в., вместо «Замогильных записок» Шатобриана (т. 1, с. 57) следовало бы в первую очередь сослаться на «Гения христианства» (1802 г.) того же автора. В параграфе, трактующем символику поцелуя ступни короля или земли у его ног (т. 2, с. 58), хотелось бы видеть ссылку на обзорную статью Клауса Шрайнера «Да лобзает он меня лобзаньем уст своих» (альманах «Казус». М., 2007. Вып.

8. С. 155–192). Наконец, в анализе предыстории средневекового дворца (т. 2, с. 417) мне не хватило ссылки на программную статью Майке де Йонг (*Jong M. de. Sacrum palatium et ecclesia. L'autorité religieuse royale sous les Carolingiens (790–840) // AHSS. 2003. № 6. P. 1243–1269*).

9. Во второй главе, посвященной подробнейшей характеристике всех задействованных в работе источников, вызывает удивление сам принцип их представления читателям. Рукописные источники сгруппированы здесь не по жанру, не по виду, но по месту хранения, т.е. по архивам и библиотекам, что влечет за собой неизбежные повторы информации о создании и содержании представленных в этих кодексах сочинений. В то же время опубликованные источники логично сгруппированы по жанрам. Следовало, как мне кажется, унифицировать эту систему.

10. Наконец, последнее замечание относится к самому тексту диссертации, который, к сожалению, остался невычитанным. Здесь очень много ошибок (в том числе – в написании имен собственных), опуск, пропущенных слов и даже частей предложений. Безусловно, объем диссертации чрезвычайно велик (в ней насчитывается 1560 страниц), но подобные оплошности сильно портят впечатление от проделанной работы.

Следует тем не менее отметить, что все перечисленные выше дискуссионные вопросы и замечания никоим образом не умаляют ценность проведенного О.В. Ауриным исследования: они касаются частных его сторон или же предлагают пути для более углубленного исследования заявленной темы.

Диссертационное сочинение О.В. Ауриной, вне всякого сомнения, выполнено на высочайшем профессиональном уровне и представляет собой существенный вклад в современную историческую науку – как отечественную, так и мировую. Текст автореферата и публикации автора, в том числе указанные в автореферате статьи в журналах, включенных в Перечень изданий ВАК РФ, в полной мере отражают содержание диссертации.

Все сказанное позволяет сделать вывод о том, что диссертационное исследование Олега Валентиновича Аурова «География власти в городах Центральной Испании к концу XIII – середине XIV вв.» является научной квалификационной работой, в полной мере соответствует требованиям пунктов 9-14 Положения о присуждении ученых степеней, утвержденного постановлением Правительства Российской Федерации от 24 сентября 2013 г. № 842, а также паспорту специальности 5.6.2 – Всеобщая история. О.В. Ауров заслуживает присуждения ему степени доктора исторических наук по специальности 5.6.2 – Всеобщая история.

Официальный оппонент – доктор исторических наук, главный научный сотрудник Института всеобщей истории РАН

Тогоева Ольга Игоревна

10.12.2025

Тогоевой О.И.
Мамонтова Г.И.

Федеральное государственное бюджетное
учреждение науки
«Институт всеобщей истории Российской академии наук»
119334, Москва, Ленинский пр-т, д. 32а,
тел. 8 (495) 938-13-44
dir@igh.ru